

Русская литература поднялась до явления совершенно уникального.

Василий Розанов

Издательство

«Школьная Пресса»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1993 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

А.П. Фурсов, поэт,

член Союза писателей России

Chief editor

A.P. Fursov, the poet,

member of Union of writers of Russia

Редакционная коллегия

The editorial board

О.М. Александрова, кандидат педагогических наук, заведующая Центром филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

O.M. Alexandrova, candidate of pedagogical sciences, head of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Н.В. Беляева, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

N.V. Belyaeva, doctor of pedagogical sciences, leading researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

И.П. Васильевых, научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

Vasilievich I.P., researcher at the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

В.А. Воронаев, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН

«История мировой культуры» (Москва)

V.A. Voropaev, doctor of philological sciences, Professor of Moscow state University named after M.V. Lomonosov, the Chairman of the Gogol Commission Scientific Council «History of world culture» of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ю.Н. Гостева, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

J.N. Gosteva, the candidate of pedagogical sciences, senior researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Русская словесность

5/2019

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Федор Тютчев (1803–1873)

Специальный номер

«Русская литература и философия:

пути взаимодействия»,

подготовленный совместно с Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»

О специальном номере «Русская литература и философия: пути взаимодействия» 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Татьяна Касаткина

Филологические практики в философском осмыслении: Комментарий в целом культуры 5

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасия Гачева

Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев: диалог о христианстве, человеке, истории 12

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Юлия Анохина

Вода и влага в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как важнейшие метафизические мотивы 24

ГЛУБОКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Елена Тахо-Годи

А.Ф. Лосев о диалектике тютчевского бытия 32

ХРЕСТОМАТИЯ

Алексей Лосев

Тютчев

Научная публикация текста Е.А. Тахо-Годи.

Публикуется впервые..... 40

ТОРЖЕСТВО СОЗВУЧИЙ

Ольга Шалыгина

«...Мой товарищ Протасов»

(о метасюжете русской литературы)..... 48

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОПИЛКИ

Светлана Серегина

«Душа грустит о небесах...»: философическая грусть

в лирике С.А. Есенина 57

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Антон Филатов

Философско-эстетические принципы мифотворчества

С.М. Городецкого..... 62

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕДМЕТЫ ВУЗОВСКОГО ЦИКЛА: ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Наталья Михаленко

Философия искусства А.В. Чаянова-прозаика..... 74

Содержание (*раздел-журнал*)

«Русский язык и литература для школьников» № 5, 2019 81

Содержание электронного периодического издания

«Русская словесность» № 5, 2019 112

Адрес издательства и редакции

127254, г. Москва, а/я 62

Тел.: 8 (495) 619-52-87, 619-83-80

E-mail: aleksandr.fursoff2014@yandex.ru

Журнал зарегистрирован МПТР России,

свид. о рег. ПИ № ФС 77-33042

от 04.09.08 г.

Формат 84×108/16. Усл.-печ. л. 7,25

Изд. № 3362. Заказ

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, г. Чебоксары,

пр. И. Яковлева, д. 13

© ООО «Школьная Пресса», 2019

© «Русская словесность», 2019

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования.

Журнал «Русская словесность» включен в международные базы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer, Agris.

И.Н. Добротина, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования РАО» (Москва)

I.N. Dobrotina, researcher of the Center

for philological education «Institute of education

development strategy of RAE» (Moscow)

О.В. Зырянов, доктор филологических наук,

профессор, заведующий кафедрой русской

литературы Уральского федерального универ-

ситета имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

O. V. Zyryanov, doctor of Philology, Professor,

head of chair of Russian literature of the Ural

Federal University named after first President

of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Н.В. Корниенко, член-корреспондент Россий-

ской академии наук, доктор филологических

наук, заведующая отделом новейшей

русской литературы и литературы русского

зарубежья Института мировой литературы

им. А.М. Горького РАН (Москва)

N.V. Kornienko, a member-correspondent

of the Russian Academy of Sciences,

doctor of philological Sciences, head of Department

of modern Russian literature and literature

of Russian abroad of the Institute of world

literature named after A.M. Gorky Russian

Academy of Sciences (Moscow)

В.В. Лепакхин, доктор филологических наук,

профессор Сегедского университета

(г. Сегед, Венгрия)

V.V. Lepakhin, Doctor of Philology, Professor

of Seged University (Seged, Hungary)

В.М. Улитин, поэт, прозаик,

член Союза писателей России (Владимир)

V.M. Ulitin, poet, prose writer,

member of writers Union of Russia (Vladimir)

И.В. Ускова, научный сотрудник ФГБНУ

Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования

РАО», г. Видное, Московская область

I.V. Uskova, researcher of the Center for philologi-

cal education «Institute of education develop-

ment strategy of RAE» (Vidnoe, Moscow region)

Редактор К.А. Фурсов

Editor K.A. Fursov

Номер выходит с разделом —

«Русский язык и литература

для школьников» № 5, 2019

и приложением — электронным

периодическим изданием

«Русская словесность» № 5, 2019

В номере в качестве заставок

использованы обложки

редких книг, раритетные

картины, кадры из забытых

фильмов, иллюстрации

к произведениям русских писате-

лей, поэтов и философов

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве.

Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде ксерокопирования, сканирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

Обложка книги:
А.В. Чаянов «Старая западная
гравюра: краткое руководство
для музейной работы
с предисл. Н.И. Романова».
Москва,
изд. М. и С. Сабашниковых, 1926

Наталья Михаленко*

«Философия искусства А.В. Чаянова-прозаика»**

В статье на основе изучения художественных произведений А.В. Чаянова, его писем, искусствоведческих и педагогических трудов рассматриваются представления писателя о роли и значении искусства для формирования мировоззрения человека, организации его жизни и быта.

The article is based on the study of A.V. Chayanov's novels, his letters, art criticism and pedagogical writings, and considers his notions about the role of art and its impact upon people's mindset, everyday routine, and life in whole.

Ключевые слова: А.В. Чаянов, философия искусства, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии»

Keywords: A.V. Chayanov, Philosophy of Art, «The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia»

* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва.

** Статья подготовлена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН в ходе работы по гранту Российского научного фонда (проект РНФ № 17-18-01432).

Личность Александра Васильевича Чаянова — уникальный феномен в истории российской науки, культуры и литературы. Будучи всемирно признанным ученым-экономистом, он создал цикл мистических повестей, которые по праву заняли свое место в истории русской литературы, написал крестьянскую утопию, гармонично вошедшую в палитру утопических романов начала XX в. Чаянов — автор искусствоведческих и культурологических, исторических работ, которые стали своеобразным связующим звеном между его научной деятельностью и литературным творчеством.

В художественных произведениях А.В. Чаянова отразился его интерес к культуре и искусству предшествующих эпох — коллекционированию гравюры, истории живописи, классической литературе. Чаянов — автор первой русскоязычной монографии по истории и методике собирания эстампов — «Старая западная гравюра» (М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926). В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» он воплотил свои экономические представления и идеи, показав их реализацию в пространстве художественного текста.

Его мистические произведения глубоко связаны с литературной традицией — романтической повестью XIX в.: произведениям В.Ф. Одоевского, Антония Погорельского, переизданной в 1913 г. повести В.П. Титова «Уединенный домик на Васильевском» и, конечно, к эстетике Э.Т.А. Гофмана, которому Чаянов посвятил свою первую повесть. Но повести Чаянова связаны и с эстетикой историко-фантастической прозы В. Брюсова, М. Кузмина, Б. Садовского, П. Муратова. В них содержится большое число аллюзий, реминисценций. Они представляют собой как бы «литературу о литературе», своеобразную игру — возможность средствами художественного слова воспроизвести свой эстетический идеал.

Тексты Чаянова во многом обусловлены его интересом к литературе, обширным кругом его чтения, коллекционированием гравюр как способом понять мировоззрение, образ мыслей человека XV–XVIII вв. Некоторые тексты Чаянова — проживание событий личной жизни, их трансформация в литературное произведение. Плодом влюбленности в Е.В. Григорьеву стала «Лёлина книжка», расставание с первой женой было осмыслено писателем в трагедии «Обманщики», экономическая теория, представления об искусстве обрели плоть и кровь в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Чаянов вместе с П.П. Муратовым, выдающимся искусствоведом, автором книг и статей о западно-европейском и древнерусском искусстве, сборников

новелл, работал в Кооперативном комитете по охране художественных и национальных сокровищ России, созданном по постановлению Всероссийского кооперативного съезда в 1918 г. Работа Кооперативного комитета началась с передачи в Румянцевский музей одного из величайших национальных сокровищ — «Альбома Ушаковой» с многочисленными рисунками и записями А.С.Пушкина. Эта находка упоминается в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1921) Чайанова среди реликвий, бережно хранимых утопическими жителями. Чайанов входил в состав президиума Кооперативного комитета по охране художественных сокровищ и руководил Просветительной комиссией. Согласно его идеям, «теперь цари и дворянство унесены рекой времени, русское купечество надолго обессилено, и на наши собственные плечи, плечи русской трудовой демократии, падает обязанность не только принять наследие их трудов, но и продолжать их культурное дело» [5, 144].

В статье «Кооперация и художественная культура России» (1919) Чайанов писал о том, что «общественное участие в строении художественной культуры может выразиться главным образом в повышенном внимании к ней и в активном споре на нее» [5, 143]. Он отмечал особый интерес людей разных социальных слоев к искусству: «Достаточно было в последние годы заглянуть в Лаврушинский переулок, в залы Третьяковской галереи и посмотреть пеструю по одеждам и сословиям толпу, притихшую перед полотнами Сурикова, Бастьен-Лепаж и Репина, внимательно всматривающуюся в сказочные видения Врубеля, Каррера и Борисова-Мусатова, чтобы понять, какие широкие круги народа нашего питают собой эти сокровища человеческого духа» [5, 143]. Участвуя в работе Кооперативного комитета по охране художественных сокровищ, он говорил о том, что в короткий срок удалось спасти от расхищения из разоренных усадеб и передать в Румянцевский музей и Третьяковскую галерею «работы Венецианова, Иванова, К.Дольчи, Кипренского, Пиранези, Рекко, Хондиуса, Борисова-Мусатова, Дюжардена и многих других мастеров старой Европы» [5, 147]. Все эти его идеи были воплощены в образе страны крестьянской утопии.

В статье «Методы высшего образования» (1919), Чайанов, профессор Петровской земледельческой и лесной академии и Народного университета им. А.Л. Шанявского, говорил о важности не только профессиональной подготовки студентов, но и об общем их образовании, повышении культурного уровня. Как отмечал Чайанов в своей статье, «главнейшее, что дает высшая школа, — это особая, ей одной присущая культура. Питомец высшей школы среди обывателей подобен магометанину, побывавшему в Мекке, среди других магометан. Его кругозор широк, он лучше видит, он быстрее и шире мыслит» [6, 632]. Выпускник, который «многие часы простаивал перед диковинными видениями Рембрандта и Боттичелли в Румянцевском музее, <...> слышал вдохновенную речь Станиславского и навеки сохранил в своей душе образы студии Художественного театра <...>, приобщился к первоисточникам культуры,дохнул воздухом вершин человеческой мысли и искусств» [5, 641]. Знакомство с передовыми научными технологиями и произведениями искусства способствует тому, что в душе студента загорается «тот Прометеев огонь, который неугасимо пылает в храме науки» [5, 631].

В «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» эта идея реализуется в организации в подмосковной усадьбе Архангельское «Братства святого Флора и Лавра», своеобразного светского монастыря, «братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках» [10, 237]. Здесь происходит разностороннее обучение студентов: «Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны. Алексея поразили строгие правила устава, почти монастырского по типу, и та сияющая, звенящая радость, которая пропитывала все кругом» [10, 237].

В утопии Чайанова образ усадебной культуры, «давшей декабристов и подарившей миру Пушкина» [10, 262], признается эталонным, наиболее способствующим всестороннему развитию человека. По его мысли, в усадебном быте было представлено идеальное соедине-

ние практической работы, гармоничной жизни на лоне природы и бережного сохранения культурного наследия предшествующих эпох. Глубокий интерес к искусству и умение его понимать являются для Чаянова неотъемлемыми для всесторонне развитого человека.

Жизнь студентов утопического братства Флора и Лавра проходит в непосредственном соприкосновении с культурой XIX в.: «В анфиладе комнат старого дворца и липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова с его вольтерьянством и колоссальной библиотекой, посвященной французской революции и кулинарии, шумела юная толпа носителей прометея огня творчества, делившая труды с радостями жизни» [10, 236].

Искусство вошло в жизнь чаяновского крестьянина — на ярмарках в балаганах представляются выставки музеев. Кремнев с радостью узнавал «старых знакомых» — Венецианова, Кончаловского, «Святого Герасима» рыбниковской кисти, новгородского «Илью» остроуховского собрания» [10, 255]. Важно, что созерцание художественных работ было нужно крестьянству, вошло в его обиход — Кремнев понимает это потому, что активно раскупалось вымышленное Чаяновым 132-е издание книги П. Муратова «История живописи на ста страницах», книга П. Минина «От Рокотова до Ладонова».

В убранстве комнаты, где оказывается Кремнев, на стенах висят работы, близкие по своему художественному и колористическому решению картинам Питера Брейгеля Старшего [10, 225], в газете-вклейке «Зодий» за 5 сентября 1984 года герой читает об устройстве выставки памяти Питера Брейгеля — «согласно условию, картины должны быть выдержаны в красочной гамме и формах» этого художника. С помощью такого упоминания работ Брейгеля Чаянов как бы напоминает читателю, что этот художник написал картины «Малая Вавилонская башня» и «Большая Вавилонская башня». Что, в свою очередь, отсылает к одноименному мифу о людях, посчитавших себя равными богу. Точно так и в утопии Чаянова властители страны стремятся изменять природу людей. Это тоже своеобразный элемент игры на подтекстах.

На ярмарке в Белой Колпи в зале реликвий Алексей Кремнев смог увидеть макет комнаты Пушкина, «раскрывшей Алексею душу великого поэта лучше, чем все десятки книг, о нем когда-то прочитанных. Ушаковский альбом, листки альбомных стихов, портреты близких, Нашокинский домик и сотни других свидетелей великой жизни» [10, 267]. Утопические жители интересуются литературой, они должны видеть условия становления, развития и реализации великого таланта.

Многие герои Чаянова, как и он сам, увлекаются историей живописи и занимаются коллекционированием западно-европейской гравюры. Так, в «Истории парикмахерской куклы» кофейня, мимо которой проходит архитектор М., — «претворенная в одной из картин Юона» (сам Чаянов брал уроки живописи у этого художника) [4, 49]. Венеция для этого героя — «великий город масок, призрачных зеркал, молчаливых дождей, героев Гольдони, персонажей Гоцци и великих венецианских живописцев» [4, 66]. В комнатке сестер Генрихсон висит «мастерски по-цорновски писанный масляный портрет» [4, 71]. В «Венецианском зеркале» поэмы Алексея, следующего движением стеклянного человека, «напоминают позы наиболее фантастических персонажей Жака Калло» [3, 120]. Параскева, утопическая женщина, рассказывает Кремневу о своих любимых мастерах: «старом Брейгеле, Ван Гоге, старике Рыбникове и великолепном Ладонове» [10, 227]. Утопические жители проявляют интерес к живописи — «властителем мировых помыслов сделались суздальские фрески XII в., и наступило царство реализма с Питером Брейгелем как кумиром» [10, 228]. Германия, проигравшая в войне Российской крестьянской республике, должна выплатить издержки, ею вызванные, полотнами «Боттичелли, Доменико Венециано, Гольбейна» [10, 273–274], а также передать Пергамский алтарь.

В 1926 г. писатель выпустил монографию «Старая Западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы» [11], в которой в доступной форме сжато изложил историю и основные техники исполнения этого вида живописи, дал расшифровки подписи некоторых художников, а также разработал методику для начинающих собирателей. В своей монографии по истории

западно-европейской гравюры он отмечал, что самой ответственной и самой сложной задачей является «художественное воспитание широких масс» [11, 9]. «...основной задачей всякой широкой работы над художественной культурой масс являются мероприятия, направленные к тому, чтобы возможно большие массы пришли в непосредственное соприкосновение с памятниками и произведениями искусства, этими единственными первоисточниками всякой художественной культуры» [11, 9]. И если в своей монографии Чаянов предлагал создать «густую сеть местных художественных музеев» [11, 9] в СССР, говорил о том, что «подлинники западного искусства должны быть нами брошены в самые отдаленные углы нашей страны и всякий, кто хотел бы познакомиться с этими первоисточниками художественной культуры, должен получить возможность по оригиналам ознакомиться с развитием европейского искусства» [11, 9], то в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) воплотил эту идею.

Даже в ссылке в Алма-Ате Чаянов просил супругу (О.Э. Гуревич) присылать ему книги по искусству: «Особенно хочется получить издание Гос[ударственного] музея изобраз[ительных] искусств — выпуск 3 из серии «Живопись и скульптура»: «Искусство европейского феодализма» [1], [9, 253]. Очень ждал в Алма-Ате посылку эстампов: «Затем очень прошу тебя ускорить посылку просимых гравюр — Рембр[анта] и итальянцев XVI века. Уж очень тоскливы одинокие вечера, хотелось бы проводить их, по крайней мере, в более культурной и эстетической обстановке» [9, 253] (письмо О.Э. Чаяновой).

Письма Чаянова периода зарубежных поездок пестрят информацией о находках различных гравюр. В письме С.А. Клепикову, без даты, Чаянов перечисляет работы видных художников, создававших гравюры, приводит примерные цены на них. Он выделяет работы таких мастеров: Schongauer, Mantegna, Ruysdael, P. Potter, Both, Остаде, Рембрандт, Дюрер, Калло, Альдегревер, Бехам, Кранах, Бальдунг Грин [9, 210–211]. Чаянов стремится атрибутировать старинные гравюры, раскрыть монограммы их создателей.

В стиле гравюр были сделаны иллюстрации повестей Чаянова Алексеем Александровичем

Рыбниковым, русским художником и графиком и художницей Натальей Абрамовной Ушаковой.

По опубликованному архиву писем Чаянова можно судить о его круге чтения. Знакомство с ним дает представление о значении книги и литературного творчества для этого ученого-экономиста-писателя. Чаянов был выдающимся библиофилом — собрал уникальную библиотеку, которая насчитывала более 5 тыс. томов (на 1925 г.). На нее была выдана государственная охранная грамота. Рассказывая о событиях своей жизни, писатель говорил о том, произведения каких авторов ему наиболее близки и интересны, какие книги он готов многократно перечитывать. В письме к Н.П. Макарову от 7 сентября 1915 г.: «Сидим и читаем “Детство” и “Отрочество”, “Двух гусаров” и прочие хорошие вещи» [9, 161]. В письме Сергею Николаевичу Прокоповичу (экономист, общественный и политический деятель) (не позднее 12 августа 1922 г.): «Живем мы в тишине. Читаем Лескова...» [9, 174]. Лесков был одним из самых любимых русских писателей А.В. Чаянова.

В письме Эммануилу Львовичу Гуревичу (политический деятель, тесть Чаянова) от 5 декабря 1935 г. Чаянов, прося того прислать ему в ссылку в Алма-Ату книги, перечисляет свои излюбленные произведения: «Если можно, то пришли Пушкина, хотя бы дешевый томик избранных вещей. “Повести Белкина” мне удалось купить здесь. Затем очень хочется почитать Бальзака, которого я знаю мало (читал только “Отец Горио”, “Шагреневая кожа”, “Женщина в 30 лет” и еще каких-то два романа); Мопассана — рассказы и “Милый друг”, остальное я читал недавно; Стендаля — все, что попадется; Жюль Верна и Александра Дюма — тоже все, что можно достать; американских романистов (Драйзера, Синклера Льюиса) и англичан (Честертон, Локка, Диккенс), исторические драмы Шиллера (трилогию о Валленштейне). Вообще переводные вещи, которые здесь совершенно достать невозможно. Из русских классиков меня интересует только Лесков и Чехов <...>. Вообще меня интересуют декабристы в ссылке (мемуары). Затем буду очень благодарен <...> за все книги по истории любой эпохи» [9, 267–268].

Характерно, что эпиграфы перед главами «Истории парикмахерской куклы...» и «Нео-

бычайных, но истинных приключений графа Федора Михайловича Бутурлина» взяты из произведений А. Пушкина, Э. По, Н. Карамзина, М. Ломоносова, М. Кузмина, Н. Макарова, «Плутарха для девиц», «Расчетистого карточного игрока» и др. Они подчеркивают многосюжетность повестей, якобы созданных московским Ботаником Х. и иллюстрированных Антропологом А. и Фитопатологом У. Эти произведения являют синтез мистических романов и повестей XIX — начала XX в. Эпиграфы свидетельствуют, что повести Чаянова скорее «произведения о литературе», где в эклектическом порядке были соединены традиционные мистические сюжеты.

Список чтения Чаянов включает классическую литературу: «Должен сказать, что если тебе под руку подвернется Данте, Мильтон, Гомер, Боккаччо, Шекспир или Мольер, словом, классики, которых “все хвалят и никто не читает”, то я с наслаждением перечту их в 10-й раз» [9, 269]. Ему нравится и приключенческая, фантастическая литература: «<...> из книг буду тебе безгранично благодарен за Дюма, Жюль Верна, Вальтера Скотта и им подобных» [9, 274]. Но и современные ему авторы также входят в его библиотеку: В письме О.Э. Чаяновой от 30 октября 1934 г. из Алма-Аты: «Читаю куда Эренбурга» [9, 261], «хотел бы только <...> вторую часть “Петра Первого” и “Цусиму”», если они вышли, “Кюхлю” Тынянова» [9, 267–268].

Излюбленным автором Чаянова является Герцен. В письме Э.Л. Гуревичу от 5 декабря 1935 г. он писал: «Бесконечно я тебе благодарен за письмо и книги, а особенно за “Былое и думы”. По сути дела, первый том их — одна из самых любимых моих книг» [9, 267]. На книжной полке Алексея Кремнева, героя крестьянской утопии, стоят книги Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена и Г.В. Плеханова. Именно во время чтения павленковского тома Герцена с Кремневым начинают происходить мистические события.

Чаянов наделяет своих героев любовью к книгам. Излюбленным чтением главного героя повести «Венедиктов...» является Плутарх: «Сколько <...> неувыдаемой прелести находит читатель в страницах, посвященных благородному Титу Фламинину, пылкому Алькибиаду,

яростному Пирру, царю эпирскому» [2, 86]. Совместное чтение символизирует в повести «Венедиктов» покой и счастье героев: «Отчетливо и с радостной грустью помню я дни, когда тетушка, окончив с хозяйством, присаживалась к нам и, быстро мелькая спицами, вязала чулки, Настенька смотрела в сад, где опадали последние желтые листья, и, задумавшись, гладила белую кошечку, а я, поместившись у ее ног, читал творения Коцебу, описания путешествия господина Карамзина и трогательные стихи великого Державина» [2, 110]. Федор Бутурлин, герой повести «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина», возвратясь в свой дом после разнообразных приключений, «выписывал из-за границы сотни книг и эстампов, читал запоем то Вольтера, то творения Отцов Церкви...» [7, 173].

Некоторые события своей жизни Чаянов переживал, интегрируя их в художественные тексты. В 1919 г. Чаянов написал «трагедию в 3 актах и 9 сценах» «Обманщики», вышла она в 1921 г. Действие ее происходит в Древнем Риме, персонажи — два друга и жена одного из них, которую любят они оба, а она не может сделать выбор. Трагедия имела глубоко личную подоснову. На рубеже 1921–1922 гг. Е.В. Чаянова ушла от мужа к одному из его близких соратников, художнику А.А. Рыбникову. Чаянов очень болезненно переживал развод.

Написана трагедия с иронией, отличающей Чаянова, уже здесь проявился его интерес к прошлому, древней истории: «Автора могут спросить — что, собственно, римского содержит его трагедия? Ничего.

Почему же его герои носят римские имена и одеты в римские костюмы? А почему же они должны быть одеты в какие-либо другие?» [8, 45].

Уже здесь можно найти крупинки будущего замысла чаяновской утопии, отголоски мечты о прекрасной стране будущего: «Почему же автор не поместил героев в будущее или страну утопий? Просто потому, что он не хотел отказаться от тех творческих римских дополнений, которые читатель вложит в его трагедию» [8, 45]. И вот уже показываются контуры будущей крестьянской страны, где возможно соединение древнего быта и новейших технических достижений: «Однако если вас будут коробить исто-

рические нелепости, то представьте мою трагедию в некоей стране будущего, где по странной игре случая есть и Геркуланиум, и *via Appia*» [8, 45]. Спектакль был поставлен в театре имени В.Ф. Комиссаржеской режиссером В.Г. Сахановским, но успеха не имел. Обращение к искусству во многом помогло Чаянову пережить его личную драму.

Возможные границы искусства писатель осмыслил в своей крестьянской утопии. Вопрос о цели и смысле искусства обсуждался героями чаяновского «Путешествия...». Жители утопической крестьянской страны проникнуты теургическими идеями. Так, Параскева, встретившая Кремнева в стране будущего, в рассуждениях об изобразительном искусстве требовала от художника «конгениальности с творцом вселенной, ценила в картине силу волшебства, искру прометееву, дающую новую сущность, и, в сущности, была близка к реализму старых мастеров Фландрии» [10, 227].

Земледельческий труд считается в крестьянской утопии «совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» [10, 245]. Апофеоз теургической деятельности — «идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» [10, 263]. Когда Кремнев в ужасе задает Минину вопрос, «какими идеями стимулировалась ваша работа над созданием сего крестьянского эдема», «кто вы: авгуры или фанатики долга?» [10, 265], он узнает, что руководители страны считают себя «людьми искусства», «которых ведут искры Прометеева огня творчества» [10, 266]. Создавая в своей утопии картину почти полной искусствоведческой образованности населения, писатель в то же время говорил о разумных пределах искусства. О том, что оно, играя важную роль в образовании и совершенствовании личности, не должно подчинять себе человека. Евгеника, чьей целью становится максимальная принудительная реализация талантов всех людей, не может быть основой государственной политики.

Одним из направлений связи искусства и жизни для Чаянова было искусство быта, спо-

собствующее сохранению культурной памяти поколений, традиционных ценностей.

В письме к экономисту-аграрнику Николаю Петровичу Макарову, своему близкому другу и соратнику (от 7 июля 1914, Углич), Чаянов описывал свою жизнь с супругой в Угличе, куда они уехали, чтобы он смог в тишине и покое провинции закончить свои работы по экономике («Бюджеты крестьян Старобельского уезда» и «Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии»). Некоторые детали этого описания были воплощены потом в картины быта людей утопической страны: «Я уже второй месяц живу в древнем граде Угличе, который с его 29 церквами, Волгой и окружающими лесами кажется каким-то городом-леденцом из сказки о царе Салтане. Нравы и обычаи жителей здешних, уклад их жизни еще не вышли из XVII века. Каждую неделю здесь проходят чудотворные иконы, звон колокольный почти не смолкает, а лесные пожары застлали все какой-то сказочной лазоревой дымкой» [9, 157].

Уклад жизни утопического общества из «Путешествия...» во многом напоминает сказочный, идеалистичный быт предшествующих веков — люди в большинстве своем задействованы в крестьянском хозяйстве, почти никак не автоматизированном, из-за чего создается уход «почти за каждым колоском» [10, 238], пригороды Москвы — это «типичная русская деревня севера» [10, 235]. Жители утопической страны обитают в усадьбах, состоящих из домов, напоминающих простые строения XVI в. Они участвуют в международных состязаниях по игре в бабки, ездят в телегах на ярмарки, женщины носят пестрые платья, напоминающие «нечто вроде сарафанов с кринолином» [10, 229]. Это своеобразное возвращение в «золотой век».

В том же письме из Углича Чаянов писал о том, что его жена (Е.В. Григорьева), в то время, пока он работает, играет пьесы В.А. Моцарта: «Я часов по 5 в день сижу над разработкой харьковских старобельских бюджетов, а жена еще усерднее штудирует Моцарта... И странными кажутся звуки менуэтов над крестами угличских колоколен» [9, 157].

Возможно, этот эклектичный образ был использован писателем в крестьянской утопии, где герой слушает в честь окончания жатвы

программу, исполняемую «на кремлевских колоколах в сотрудничестве с колоколами других московских церквей» [10, 267]. Наряду со звонами Ростовскими XVI в., звоном Акимовским (1731 г.), звонами московскими и перезвонами Егорьевскими с перебором, в концертную программу входили «Литургия» Рахманинова и «Прометей» А.Н. Скрябина.

В утопии, где усадебный уклад жизни XIX в. признается идеальным для всестороннего развития человека, важный акцент сделан на искусстве организации быта. Оглядывая утопическую комнату, Алексей Кремнев обращает внимание, что большая часть вещей в ней отличается «тщательностью своей отделки, какой-то подчеркнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был сильно русифицированный Вавилон» [10, 225].

Важнейшей целью утопических жителей было гармоничное развитие человека. В этой связи большое внимание уделялось гармоничному сочетанию в урбанистическом пейзаже зданий и парков. В своей утопии Чаянов превращает Москву в цветущий сад, как бы обращаясь к идиллическим пейзажам XVIII–XIX в., также претворенным и в его повести «Венедиктов...», события которой происходят в эпоху правления Александра I: «Гуляя по вечерам по склонам берегов москворецких, смотря, как тени от облаков скользят по лугам Луцкого, как поднимается лениво барвихинское стадо, наблюдая яблони, ветви которых гнутся от тяжести плодов, вспоминаешь весенние душистые цветы, дышавшие запахом сладких на этих же ветвях в минувшем мае, и ощущаешь чувственно, как все течет на путях жизни» [2, 86]. В крестьянской утопии: «Город казался сплошным парком, среди которого архитектурные группы возникали направо и налево, ходили на маленькие затерявшиеся городки» [10, 229], «Раскидистые купы деревьев заливали собою все пространство почти до самого Кремля, оставляя одинокие острова архитектурных групп» [10, 224].

Своей жизнью и литературными произведениями А.В. Чаянов показал значение, которое может играть искусство для жизни человека. Для него оно во многом стало способом осмыс-

ления действительности, поиском ответов на волновавшие его вопросы, возможностью воплотить свой эстетический идеал и проверить жизнеспособность той или иной теории.

Литература

1. Искусство европейского феодализма: путеводитель по музею / сост. сотрудники ГМИИ под ред. *Б.Е. Этингофа* и *Ю. Сергиевского*. Вып. 3. Ч. 1. — М.: Изогиз, 1934. Вып. 1: Искусство Древнего Востока / сост. *В.И. Авдиев*, *В.А. Барут*, *М.М. Кобылина*, *В.В. Павлов* и *А.С. Стрелков*. — 1933. — 42 с.
2. *Чаянов А.В.* Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесловие *В.Б. Муравьева*; Примечания *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. — М.: ТОНЧУ, 2006. С. 86–113.
3. *Чаянов А.В.* Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесл. *В.Б. Муравьева*; Примеч. *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. М., 2006. С. 114–138.
4. *Чаянов А.В.* История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М. // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесл. *В.Б. Муравьева*; Примеч. *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. — М., 2006. — С. 49–85.
5. *Чаянов А.В.* Кооперация и художественная культура России // *Чаянов А.В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936) / Примечания *С.Б. Фроловой*. — М.: ТОНЧУ, 2008. С. 143–147.
6. *Чаянов А.В.* Методы высшего образования // Экономическое наследие А.В. Чаянова. — М.: ТОНЧУ, 2006. — С. 630–644.
7. *Чаянов А.В.* Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесл. *В.Б. Муравьева*; Примеч. *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. — М., 2006. — С. 138–185.
8. *Чаянов А.В.* Обманщики // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесл. *В.Б. Муравьева*; Примеч. *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. — М., 2006. — С. 35–48.
9. *Чаянов А.В.* Письма (1909–1936) // *Чаянов А.В.* Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936) / Прим. *С.Б. Фроловой*. — М.: ТОНЧУ, 2008. — С. 148–275.
10. *Чаянов А.В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // *Чаянов А.В.* Московская гофманиада / Послесловие *В.Б. Муравьева*; Прим. *В.Б. Муравьева*, *С.Б. Фроловой*. — М.: ТОНЧУ, 2006. — С. 217–274.
11. *Чаянов А.В.* Старая западная гравюра: краткое руководство для музейной работы / с предисл. *Н.И. Романова*. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926. — 81 с.